

Научная рациональность в социальном познании

Л. А. Василенко, Л. А. Колесникова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

Обсуждаются методологические аспекты процесса научного социального познания. Новое качество постнеклассической рациональности включает в познание ценностно-целевые структурные характеристики объекта, с учетом противоречивости природы ценностного мира человека. Системы ценностей определены авторами и как хорошо разработанные идеологии, религиозные системы, и как нечеткие наборы принципов, отражающие систему взглядов на мир, познаваемую и осознаваемую их носителем в ходе эволюции его самосознания в группе или субкультуре. Фрактально-эволюционный методологический подход, базирующийся на универсальных законах развития жизни и природы сознания, рассматривается в качестве методологической основы исследования социальных систем и фундамента кроссдисциплинарного синтеза знаний. Представлены некоторые материалы социологических исследований авторов, базирующиеся на фрактально-эволюционном подходе.

Ключевые слова: научная рациональность; методология; принципы; социальное познание; фракталы; фрактально-эволюционные теории; кроссдисциплинарный синтез; ценности; теология; нелинейность; открытость; сложность; социальная ответственность науки.

Научное познание общества, культуры и человека строится на рациональной основе. И хотя современная наука во многом «вышла из пеленок» теологии, она, различаясь существенно внутри себя в разных своих ветвях, характеризуется не только и даже не столько (если рассматривать и сравнивать ее с отдельными гуманитарными дисциплинами) иными, нежели в теологии, способами познания, но, что более важно, *другим соотношением формальных и неформальных институтов*, определяющих процессы развития научной и теологической мысли. Так, научная рациональность в естественных и точных науках, характеризуемая той или иной степенью *доказательности*, базирующейся на понятии

воспроизводимого эксперимента, хотя и отличается от таковой социальных и гуманитарных наук, характеризуемых лишь той или иной степенью *убедительности*, в качестве эксплицитного общего включает в себя *стремление к пониманию окружающего мира, которое субъект процесса познания стремится разделить с другими, зафиксировав письменно очередное его приращение*, призванное помочь в итоге лучше ответить на тот или иной вопрос «как?». При всех отличиях от прикладных фундаментальные науки, ведомые в значительной степени страстью исследователя к познанию и отвечающие на вопрос «почему?», в итоге, как и прикладные науки, все же служат получению ответов на вопрос «как?».

за которым стоит заказчик, природа которого влияет на степень социальной ответственности или безответственности науки как производителя знания. В противовес науке теология, отвечающая прежде всего на вопросы «почему?» и «зачем?» и призванная направлять поведение человека, изначально базируется на принятии истин на веру, а *знание, зафиксированное в сакральных письменных источниках, в самых разных религиозных системах может уступать приоритет устному высшему знанию и интерпретациям прописанных истин, передаваемым избранным из уст в уста.* Именно эта ее особенность делает почти невозможным диалог ученых и теологов, но все же чем более хрупким становится мир человека — социальных систем и экосистемы в целом, — чем более агрессивно проявляют себя представители религий в попытках влиять на общественную жизнь и, более того, даже перекраивать государственные границы и чем далее продвигается наука в способах и результатах познания, тем более осторожно представителям последней следует выносить суждения о невозможности такого диалога. Поиск фундамента для него необходим, а его осуществимость хорошо иллюстрирует утверждение Альфреда Крейка, новосибирского ученого, который, выявляя сущность понятия «синергия» с позиции как научного, так и вненаучного знания, пришел к выводу, что чисто формальное понимание рациональности и иррациональности находится между собой в отношении необходимой дополнительности, и «именно потому, что ни там, ни тут подлинная логика мышления не улавливается и не выражается» [1, с. 3].

Особенности современного научного социального познания обусловлены *в первую очередь* основой этого процесса — методологическим базисом, определяющим горизонт понимания и стержень взаимосвязи научных теорий,

направляющих конкретный процесс познания выбранного объекта через призму соответствующего набора базовых принципов, моделирующих картину мира. Так, во многом разделяемый авторами подход синергетической научной школы к пониманию нового типа рациональности учитывает нелинейность, открытость, неравновесность и другие свойства реальности [2, с. 59; 3; 4; 5].

Во-вторых, в процессе социального познания важно не только познавать, но и понимать. Последнее означает объяснить и осознать те самые базовые принципы, что образуют парадигму ключевых идей, гипотез, рассуждений и вариантов выводов, лежащих в основе нового знания о социальном объекте и предмете познания. Именно парадигмальные принципы ключевых идей и концепций, лежащих в основе процесса познания, определяют границы понимания, полученные в его результате. Отметим при этом, что в действительности наблюдаемые социальные практики нередко полипарадигмальны, т. е. используют не одну, а одновременно несколько парадигм. Однако довольно часто в практике как социальных, так и естественных наук (например, в экспериментальных медицинских исследованиях) большая часть научных результатов может быть получена и без осознания этого методологического фундамента, как отмечал выдающийся естествоиспытатель Ганс Селье в своем труде «От мечты к открытию. Как стать ученым» (1964) [6]. Вместе с тем подход, исключая попытку осознания этих принципов, может служить в дальнейшем источником затруднения продуктивного синтеза результатов междисциплинарных исследований, а также выступать действующей силой проблемы социальной ответственности науки.

В-третьих, новая рациональность обозначает расширение поля рефлексии, учитывает соотношенность характеристик получаемых знаний об объекте

не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами (по В. С. Степину [7, с. 15]). Ценности в некоторой степени иррациональны. Они представляют собой некие предельные ориентиры действующих субъектов, векторы, по которым субъекты сверяют желательность своих действий, обобщенное представление о будущем и допустимых способах его достижения. Отношение к ценностям эмоционально. Аркадий Пригожин отмечает, что ценностный мир человека противоречив и не системен, далек от совершенства: «...долг зовет к риску, а безопасность — к уходу от него. Моральные и утилитарные ценности едва ли [не] антагонистичны. Здоровье требует отдыха, но самореализация побуждает к сверхнапряжениям». Систему ценностей может представлять собой и детально разработанную идеологию или религиозную систему [8, с. 16—17], и набор принципов, характеризующих и определяющих норму поведения, отражающих систему взглядов на мир, не заданную четким образом, а познаваемую и осознаваемую его носителем в ходе эволюции своего самосознания в процессе коммуникаций и взаимодействий в той или иной группе и субкультуре (см. например, описание такой нечеткой системы в работе С. А. Стивенсон, фокусирующейся на идентификации системы понятий, определяющих нормы и правила поведения «реальных пацанов» или «гопников» [9; 10]).

В-четвертых, представление об открытости распространяется на процессы межкультурного диалога, коммуникации и доступ к информационному пространству, что требует включения в рассмотрение культурных паттернов, диалога культур. Современный информационный век и интенсивность коммуникаций добавляет необходимость учитывать при познании различия взаимодействующих субъектов, поскольку они инициируют

проявление характерных черт хаоса в общественной жизни. Человек в условиях непознанной неопределенности теряет опору, привычный порядок взаимодействий, он вынужден искать решение, временный порядок или его некий прототип. Данные процессы становятся одной из существенных причин возрастающей сложности социальных систем. И эта постоянно порождаемая сложность создает основу как для хаотизации общественной жизни, так и для формирования нового порядка [3].

Ввиду изложенного выше исследования, связанные с проявлениями изменений далекой от равновесия социальной системы, должны строиться исходя из понимания общества как такой системы, неоднородной, открытой, сложной, взаимодействующей с окружающим контекстом. Социологический анализ должен учитывать и эту сложность, и скорость социальной динамики. Новые феномены рассматриваются как свойство времени социальных перемен, причем в случае достижения некоего предела ситуации изучаемый феномен становится источником следующей волны социальных изменений. Вид и характер ответа социальных институтов на эти вызовы может рассматриваться как признак, характеризующий доминирующую управленческую парадигму. В таких исследованиях трудно обойтись без применения гибкого интегрального подхода, включающего в себя определение базового теоретического основания исследовательской программы и постепенное ее достраивание с учетом данных, получаемых в ходе исследования. Отмеченный нами подход А. Страусс и Б. Глейзер обозначили как *grounded theory* [11].

Приведем примеры методологической основы комплексных социологических исследований. Применение синергического комплекса взаимосвязанных и взаимодополняющих количественных

и качественных методов сбора фактов из жизни, эмпирических данных, связанных с анализом случаев, позволит постепенно интерактивно конструировать когнитивную модель анализируемого социального объекта. Процесс охватывает целый спектр описания различных типов социальной практики, взаимосвязей разнородных данных, их обобщение, абстрагирование до формата модели. Следует подчеркнуть, что такое многообразие включает в себя оценку альтернатив воплощения в социальную практику той или иной модели, а исследования современной социальной динамики предполагают множественность и сосуществование различных сценариев социальной практики на локальном, национальном и межнациональном уровне, при этом здесь нет возможностей применения вероятностных моделей и методов, но можно комбинировать статистические методы и методы экспертных оценок в силу природы неопределенности процессов с участием человека, хорошо в свое время описанной Ф. Х. Найтом в книге «Риск, неопределенность и прибыль» (1923) [12].

В результате постепенно воссоздается, выстраивается гипотеза, концепция, а затем теория конкретного феномена, явления или возникающего социального института, наблюдаемого в динамике смены стадий жизнедеятельности.

Проблема реализации данного подхода, с одной стороны, в представлении сценариев через признаки и индикаторы, а с другой — в обосновании способов отбора единиц анализа и последующего определения методов сбора данных, их систематизации, взаимодополнения полученных данных, обобщения случаев и описания типов социальных практик.

Примером попытки реализации обозначенных подходов является исследование, выполненное под научным руководством Л. А. Василенко: «Анализ

воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества»¹ [13]. Согласно исследовательской гипотезе, социальная несправедливость возникает и воспроизводится в процессах социальных взаимодействий власти и общества, граждан и институтов, она обладает некоторыми устойчивыми и регулярными формами и поэтому может быть отнесена к особому типу социального взаимодействия, воспроизводимому в процессах управленческих взаимодействий [13]. Социальная несправедливость представлена в исследовании как встроенное свойство сложных неоднородных динамически изменяющихся социальных систем, имеющих многофакторную природу. Усиление проявлений социальной несправедливости рассматривается как признак начавшихся изменений далекой от равновесия социальной системы.

Тактика построения теории (*grounded theory*) применялась к исследованиям случаев несправедливости, известных из писем — обращений граждан к уполномоченному по правам человека Челябинской области. При этом по каждому случаю использовались интегрированные разноплановые источники социологических данных в единстве их взаимосвязей и динамике развития. Здесь особенно важны близость анализируемого случая к реальной жизни и практике порождения несправедливости, понимание причин поведения человека, участвующего в порождении и разрешении случая-ситуации. В результате

¹ Социологическое исследование «Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества (на примере Челябинской области)». Методы: кейс-стади, слабо структурированное интервью, анализ документов. Объем выборки: 100 респ., участвовавших в разрешении ситуации (50 — граждане, обратившиеся за помощью к уполномоченному по правам человека, 40 — представители власти, 10 — работники офиса УПЧ); 50 писем — обращений граждан к УПЧ. Сентябрь — октябрь 2011 г. Научные руководители: Л. А. Василенко, Н. И. Миронова.

обработки таких случаев рождаются коллективные групповые портреты респондентов как агентов коллективного социального действия, объединенных общим контекстом анализируемой ситуации. Их поведение определяется не только не очень хорошими правилами решения реальных жизненных проблем (или полным их отсутствием), но и ментальностью, доминирующим мировоззрением, сложившимися привычками, способами организации, институтами управления и степенью социальной развитости индивидов.

Рассмотрим положенное в теоретическое основание исследования разнообразие человеческих отношений, в которых возникает, формируется и воспроизводится несправедливость. Эти отношения формируются под воздействием идентичности, типов социального поведения, организационных предпочтений, а также отношений индивидов и социальных групп, с одной стороны, и властных моделей и институтов, с другой (см.: [14, с. 85—127]). В социальном исследовании [13] областью содержания понятия «социальная несправедливость» выступает социальный сценарий, в котором она возникает и воспроизводится. Типы организационных предпочтений выражаются в сценариях: *традиционном* для *Homo sapiens*, *племенном* для *Homo mobilis*, *авторитарном* для *Homo faber*, *демократическом* для *Homo ludens* и *гражданском* для *Homo divivans*. Идентичности определены как: *Homo sapiens* — человек разумный, *Homo mobilis* — человек подвижный, *Homo faber* — человек ремесленный, *Homo ludens* — человек играющий и *Homo divivans* — человек творящий. Типы социального поведения определены как: *конформистский*, *реформистский*, *модернистский* и *трансформистский*. Распределение в социуме типов социального поведения определяет социальную динамику. Отличительным признаком властных моделей и институтов в традиционном и гражданском

сценариях является принцип субъект-субъектных отношений, в авторитарном, переходном и демократическом — субъект-объектных. Моделировались пять типов властных отношений.

1. Интерактивный — Н (низкоинформациональный, по М. Кастельсу), субъект-субъектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях традиционного сценария, при идентичности *Homo sapiens* и преобладающем типе конформистского поведения в условиях высокого консенсуса базовых ценностей жизни и кооперации для устойчивого сосуществования при низкой информациональности общества.

2. Проактивный — М (мобильный), субъект-объектный — тип властных отношений, возникающий в условиях племенного сценария при идентичности *Homo mobilis* и преобладании следующих типов поведения: конформистского в обществе (90 %) и трансформистского у лидеров (10 %). Данный тип отношений реализуется в условиях снижающегося консенсуса базовых ценностей при низкой информациональности общества (объект управления) и повышающейся информациональности субъекта управления. Племенной сценарий вызывает особый интерес, поскольку его примеры в современных интерпретациях обнаруживаются в сегодняшнем мире.

3. Проактивный — О (оседлый), субъект-объектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях низкого консенсуса базовых ценностей при низкой информациональности общества и высокой информациональности власти в условиях авторитарного сценария при идентичности *Homo faber*, при конформистском социальном поведении элит (10 %) и реформистском — общества (90 %). Реформистское поведение обусловлено желанием вернуться в более счастливое, пусть и далекое (иногда очень далекое), прошлое.

4. Реактивный, субъект-объектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях инверсии от низкого к растущему консенсусу базовых ценностей при быстро повышающейся информационности общества в демократическом сценарии при сочетании конформистского (60 %), реформистского (20 %, политические консерваторы) и модернистского (20 %, политические демократы) поведения. Консенсус базовых ценностей растет вместе с успехами развития переговорной культуры.

5. Интерактивный — В (высокоинформационный), субъект-субъектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях высокого консенсуса базовых ценностей жизни и кооперации для устойчивого сосуществования при высокой информационности общества и власти в гражданском сценарии при сочетании конформистского (60 %), модернистского (20 %) и трансформистского (20 %) типов поведения [13].

Предметом социологического анализа стали представления респондентов о несправедливости, их ментальные установки, нормы и ценности, особенности социальных ролей, внутренние ощущения и чувства, взаимоотношения и реализация сути отношений органов власти и граждан. Источниками информации по каждому исследуемому случаю служили документы — письма и обращения граждан к уполномоченному по правам человека Челябинской области (УПЧ) и в органы власти; публикации в СМИ; обращения УПЧ к субъектам законодательной инициативы; протоколы парламентских и общественных слушаний, а также глубинные интервью участников разбора жалоб и обращений, экспертов, разработанные в парадигме синергетического подхода. Респондентами выступили люди, участвующие в исследуемом событии в разных социальных ролях. Это позволило выявить субъектную основу

несправедливости и получить всестороннее описание и интерпретацию фактов несправедливости в совокупности многих аспектов, представляя некий обобщенный образ несправедливости, определяемый надындивидуальными структурами. На заключительном этапе по каждому случаю все полученные данные интегрировались.

Рассмотрим некоторые результаты исследования [13]. В сценарии *традиционного общества* доминирует *Homo sapiens*. Ему свойственен естественный интуитивный системный подход, позволяющий легко и малозатратно коэволюционировать в гармонии и содружестве с окружающей средой. Знания этого архетипа создаются доступной в жизнедеятельности информацией. Мобильность низкая. Он пластичен, готов к риску в каждую секунду, склонен к синтезу, креативности, настроен на общественную выгоду и кооперацию внутри своей лакуны проживания. Культуру управления можно назвать «женской»: в ней власть и ответственность распределены, каждый является субъектом управления.

В исследовании типа властных отношений Интерактивный — Н (низкоинформационный), реализуемого в условиях традиционного сценария, идентичность *Homo sapiens* и преобладающий тип конформистского поведения определяются следующими факторами: *моральность, властность, затратность управления, идентичность, базовые ценности, информационность*, значения которых определяются позициями интервьюируемых индивидов.

Сценарий *Homo sapiens* выражен у части респондентов, но проявляется лишь частично. Судя по результатам интервью, фактор моральности современного социума невысок. Несмотря на то, что значительное число респондентов (около 60 %) отметили вежливость оппонента, около трети опрошенных (35,9 %) сказали, что оппонент

оказывал психологическое давление на заявителя, а 84,6 % — что оппонент «не захотел решать проблему», что противоречит субъект-субъектным отношениям традиционного общества. Работа власти, по мнению респондентов, мало направлена на общественную выгоду, большая часть из них не поддерживают утверждение: «Социальная обязанность власти — быть альтруистичной, работать только в интересах общества», причем респонденты — представители органов власти чаще, чем граждане-заявители, выбирали данную позицию (79,9 и 51,4 % соответственно). По словам 78,9 % заявителей, сотрудник органа власти при рассмотрении обращения был несправедлив. Выявлены невысокая степень кооперации и распределения ответственности, неравенство отношений власти и общества.

Сравним представленные выше данные с другой крайностью: с проявлением властных отношений типа Интерактивный — В (высокоинформационный), реализуемых в гражданском сценарии *Homo divinans*.

Начиная исследование, авторы предполагали, что гражданам, обращающимся с жалобами в органы власти, свойственен тип поведения, тяготеющий скорее к традиционному сценарию, а представителям органов власти, реализующим реформационные преобразования, — реактивный или Интерактивный — В типы властных отношений, реализуемые в гражданском и демократическом сценариях. Результаты исследования выявили, что это не так. Сравнение наличия позиции трансформаторского типа у респондентов из числа граждан, обратившихся к УПЧ, и представителей органов власти, участвовавших в рассмотрении их обращений, показало, что граждане-заявители в большей мере считают источником несправедливости «само время перемен» и непредвиденные социальные изменения, они чаще поддерживают утверждение: «Социальная

обязанность власти — делиться властными полномочиями с гражданами», у них более высокий уровень использования Интернета как источника независимой информации и значительно (почти в два раза) более высокий уровень приверженности такой базовой ценности, как дети. Представители власти, участвующие в рассмотрении обращений граждан, на 27,5 % чаще поддерживают утверждение о том, что для борьбы с несправедливостью нужно изменить правила использования власти, большая их часть рассматривает коррупцию как «свойство организационной системы» (на 18,9 % чаще, чем граждане-заявители), полагая более высокой коррупцию законодателей по сравнению с судебной властью. У них на 17,5 % выше творческая активность, они в два раза чаще поддерживают утверждение о том, что социальные перемены следует использовать, «чтобы не упустить свой шанс», и рассматривают несправедливость как «попрание человеческого достоинства».

Следует отметить консенсус двух рассматриваемых социальных групп по многим позициям трансформаторского типа поведения, в том числе в представлении несправедливости как потери свободы выбора и оценке роли сиюминутных амбиций и корыстных интересов политической власти в провоцировании несправедливости; более половины каждой из двух групп выразили готовность ответить на несправедливость организацией активных индивидуальных действий, более 70 % обеих групп готовы защищать такую ценность, как жизнь, более 65 % — здоровье.

Наличие в социуме модернистских типов поведения, присущих авторитарному сценарию, свидетельствует о сценарной неоднородности общества и влиянии этого многосценарного эффекта на все четыре паттерна общественно-го бытия. Конформизм властных элит

сфокусирован на удержании статус-кво и проведении мобилизационной модернизации за счет общества. Откликом на последнюю и становится реформистское социальное поведение общества.

Так, граждане-заявители чаще рассматривают Интернет как способ коммуникаций с миром (52,5 и 30,3 % соответственно); 50,4 % представителей органов власти, участвующих в рассмотрении обращений граждан, считают, что главную роль в провоцировании властью несправедливости играют законодательная власть и плохие законы, тогда как среди граждан-заявителей эту позицию поддержали только 27,5 %. Отметим консенсус этих двух социальных групп по ряду позиций модернистского типа поведения: например, в том, что «несправедливость может подтолкнуть к борьбе за свободу», а для борьбы с несправедливостью нужно дать власти полную свободу действий, так как «только она может обеспечить справедливость». Равная их часть (по 25 %) поддерживает утверждение об объективности перемен и выражает намерение их гуманизации.

Выявлен консенсус двух групп респондентов по ряду позиций *конформистского* типа поведения, например, в утверждении: «Несправедливость — это потеря моральных ориентиров, которая может подтолкнуть к борьбе за свободу» (22,6 и 25 %) и в том, что для борьбы с несправедливостью нужно дать власти ограниченную свободу действий, но под общественным надзором (40,3 и 40 %). Близко распределение по численности респондентов, стремящихся в борьбе с социальной несправедливостью защищать свои ценности — безопасность (30 и 40 %) и Отечество (10 и 7,5 %). Последнее показывает, что порождение несправедливости несет в себе потенциал угрозы национальной безопасности страны:

едва ли граждане, ощущающие несправедливость, будут в кризисный момент защищать свое Отечество.

Итоги исследования показали обострение конфликта этики и политики, нарастание — между добром и злом, т. е. он шире, чем между властью и обществом. Это зло может возратить россиян в авторитарный сценарий. Возможность социальной динамики в направлении гражданского сценария может быть упущена, хотя нет оснований для распространения данного вывода на весь социум: исследование касается только двух небольших социальных групп в Челябинской области, более всех других ощущающих на себе тяжесть конфликта добра и зла. Однако авторами выявлен потенциал преодоления обозначенного конфликта, допустимый при определенных условиях.

Потенциал высокой информативности может проявиться в способности генерировать новые модели управления. При этом наблюдается наличие у граждан ожиданий этих новых моделей, а значит, при их появлении граждане, скорее всего, поддержат ростки нового. Их ожидания подкрепляются низким моральным уровнем власти, которая может объявить о введении ожидаемых гражданами новых моделей управления, а на деле предложить только новую форму с прежним внутренним содержанием, осуществив сдвиг по противоположному вектору от гражданского сценария. Отметим, что хронологической последовательности сценарных сдвигов нет. Многообразие сочетаний социальных факторов определяет социальную динамику и ее вариативность.

Рассмотрим другой пример социального познания через применение методологической основы кроссдисциплинарного синтеза, создающее возможность обратиться к теоретическим концептам наук, ранее весьма далеких друг от друга.

Так, применение концепции фрактальности² к исследованиям деструктивных процессов с учетом закономерностей коэволюции, одновременного развития социальных процессов на разных иерархических уровнях, от низших к высшим и наоборот, позволяет использовать достижения естественных наук и наук о живом как проявление фрактальной природы социальных процессов в живой природе [15].

Волны деструктивных процессов неизбежно распространяются от одного иерархического уровня социальной системы к другому, от низших к высшим и наоборот, при этом событие — первоисточник деструктивного процесса может происходить в самых разных «точках» и на самых разных уровнях системы. Рост агрессии и насилия у большого числа индивидов продуцирует рост насилия и агрессивности во фракталах более высокого иерархического уровня. Фрактальным структурам в социальных системах свойственны динамика и самоорганизация в процессе строительства себя со свойствами самоподобия, далеко не всегда структурного (как видимого топологического), но также мыслительного и поведенческого. Здесь работают закономерности развития живых систем, стремящихся к самосохранению, при этом главной функциональной

целью любой живой системы является сохранение системы более высокого уровня иерархии, поскольку именно там накапливается в сжатом виде наиболее важная информация, позволяющая самовоспроизводиться [16]. Этим объясняется, почему закономерны импульсы распространения агрессии. Социальная структура, получив однажды импульс информационного заражения, начинает в искаженном виде тиражироваться во времени и пространстве. Всплески агрессии в семье или социальном учреждении могут происходить с метауровня, где их породили воспитание и (или) генетическая предрасположенность к определенному типу реакций на внешние раздражители либо сложившиеся модели поведения (см., например, результаты журналистского расследования массовой практики насилия и неоправданного помещения детей-сирот в психоневрологические интернаты [17]).

Опыт пережитого ребенком насилия со стороны родителей или других взрослых, в особенности отягощенный, если этот взрослый — воспитатель, учитель, или ребенка — свидетеля насилия, особенно в семье, увольнение взрослого человека или ощущение им несправедливого отношения к себе на работе или в социальной группе не всегда и не обязательно, но часто мультиплицируется в подобных форматах энергоинформационного обмена вследствие возможного искажения и повреждения ценностной структуры мировосприятия и формирования своеобразного мема — прототипа социального гена — на следующих уровнях. Как отмечал Р. Жирар: «Неизбежно наступает момент, когда насилие можно обуздать лишь другим насилием. Побеждаем ли мы или нет в наших попытках подавить его, настоящим победителем является само насилие... Насилие — это бушующее пламя, питающееся теми самыми объектами,

² Фрактал (лат. *fractus* — дробный) — понятие, описывающее множество, которое характеризуется свойством динамического самоподобия. Это свойство присуще объектам живой и неживой природы. Другим важным свойством фрактальных структур является рекурсия как способ их образования, заключающийся в повторяющемся воспроизводстве своего изначального образца по одному и тому же правилу; таким образом, любой малый фрагмент такого объекта (множества) подобен другому, полученному на следующем уровне итерации, и всей структуре в целом. Термин введен в научный оборот математиком Б. Мандельбротом, создателем фрактальной геометрии, и в точном своем определении опирается на более сложную концепцию, связанную с различными гранями категории размерности и инвариантности. — Прим. авт.

которые предназначаются для того, чтобы его потушить» [18, с. 32]. Вместе с тем рожденный однажды опыт позитивной формы поведения также фиксируется в социальной памяти как потенциал начала динамического процесса самоорганизации на принципе самоподобия на основе другого ценностного базисного приоритета — любви, социальное значение которой для формирования гражданского общества (по мнению авторов, впервые в философском контексте) фундаментально рассмотрел Адам Фергюсон в своем «Опыте истории гражданского общества» (1767), а в социологическом ключе глубоко раскрыл в своих трудах Питирим Сорокин. Задачей же современной науки с ее новыми возможностями становится формирование связанных целостных теорий и моделей, позволяющих определить, почему одни форматы поведения в социуме стремительно распространяются, тогда как другие могут долго находиться в «спящем» состоянии. Среди возможных факторов — наличие достаточной энергетической мощности акта насилия или альтруистической любви как события — первоисточника того или иного фрактального процесса, а также особенностей восприятия конкретного человека — его участника как жертвы, агрессора или спасателя. В социальной структуре — это накал эмоций и чувств. Но данная версия требует изучения выполненных и проведения дополнительных фундаментальных исследований. Одна из возможных идей такого исследования может строиться на феномене эволюционной фрактальности через поиск ментальных истоков самоподобия, архетипических знаний, изначально существующих в человеке, и их изменений под воздействием социального окружения.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт и соавторы фундаментального труда «Насилие и социальные порядки» [19], предложив продуктивные концептуальные рамки для исследования

обсуждаемой проблематики, признают, что этих рамок недостаточно для целостного и взаимосвязанного построения соответствующей теории. Однако, на взгляд авторов статьи, применение знаний естественных наук о закономерностях развития живого и природы сознания сегодня уже может на качественно ином, чем ранее, уровне помочь в решении этой методологической проблемы. Разработки в области фрактально-эволюционного подхода, дающие составляющие *универсальных* законов развития жизни на Земле, по мнению авторов, могут выступать продуктивной основой для создания методологии и методик исследования состояния образований социума как импульсных саморазвивающихся механизмов, с использованием такого свойства фракталов, как самоподобие — повторение формы, сходной с образцом, в различном масштабе (часть идентична или тождественна целому по форме структуры или поведения (мышления)), и с выявлением механизмов энергетического и информационного сжатия, способностей передавать сжатую (упакованную) информацию от одних уровней организационной иерархии другим.

Проведение социологического эксперимента по изучению механизма *социоструктурной, социомыслительной и социоповеденческой фрактальности* через включение исследователя в социальную систему с применением энергетики самоподобных иерархических структур одновременно на всех уровнях (индивидуальном, групповом, институциональном, на уровне района, города) может стать также способом оздоровления социума.

В заключение обозначим перспективы развития подходов к методологии познавательных процессов. Нахождение нового порядка и путей перехода к нему сопряжено с выяснением, каким образом в наблюдаемом хаосе рождается

порядок, каковы источники наблюдаемого хаоса и будущего порядка, а сам поиск зародышей последнего тесно связан с социокультурными детерминантами взаимодействующих индивидов, их мышлением, поведением, этикой и ценностями. Тесные коммуникации современного социума в связи с процессами глобализации и стремительного развития сетевых информационных технологий предопределяют необходимость мультипарадигмального, кроссдисциплинарного методологического основания процесса познания и диалогических подходов. При этом диалог приобретает качественно новое звучание, он возможен как между субъектами и культурами, так и, в определенных границах, в виде встречного движения науки и теологии (например, в Оксфорде изучение теологии до сих пор является обязательной составляющей образовательного процесса).

Однако в России вопрос о содержании, целях и рамках изучения теологии требует отдельного и особого обсуждения и, на взгляд авторов, должен сопровождаться обязательным изучением не только различных ветвей теологического знания, но и современных версий эволюционных теорий, в которых российская научная мысль (представленная прежде всего трудами по разработке теории *естественного упорядочения* Э. М. Галимова [20], В. А. Дементьева, Б. А. Богатых [21], в оппозицию и дополнение к пока все еще более популярным концепциям отбора и номогенеза) находится на передовых рубежах мировой науки. В основе идеи Л. А. Колесниковой о возможности применения фрактально-эволюционного подхода к формированию универсальной методологии исследования социальных систем лежат идеи Б. А. Богатых об универсальной фрактальной природе живого и сознания [21], а источником осознания новых возможностей научной рациональности

послужили труды отечественных эволюционистов Э. М. Галимова [20] и В. А. Дементьева, шведского эволюциониста А. Лима-де-Фариа [22] и др. Принципы методологии кроссдисциплинарного изучения социальных и инновационных процессов включают в себя, среди прочего, необходимость редуцирования к принципам эволюционной теории, развивающейся в условиях наступившей эпохи Четвертого синтеза — взаимопроникновения идей естественных и гуманитарных наук, искусства и теологии с осознанием нового качества их возможностей и ограничений. В них также входит принципиально новый взгляд на дуализм как философский фундамент и неоинтегрализм как «реинкарнацию» идей П. Сорокина и приоритет созидательных ценностей в поиске решений фундаментальных проблем сохранения экосистемы и человеческой цивилизации [23; 24].

Понимание нового качества научной рациональности делает возможным кроссдисциплинарный синтез знаний из различных социальных наук, в том числе результатов кросскультурных исследований, и гармонизацию соответствующих пространств знаний и данных. Речь идет о методологии фрактального кроссдисциплинарного синтеза применительно не только к методам, но и к принципам. Например, вариация известной управленческой аббревиатуры SMART в одноименный принцип оценки корректности построения пространства знаний и данных информационного пространства исследовательского проекта³ содержит трехуровневую составляющую критерия *согласованности*.

³ SMART: S — *специфичность*, или соответствие предмету исследования; M — *уровень метрологической точности*; A — *внутренняя согласованность*; R — *реалистичность* уровня трудоемкости обновления; T — *достаточность глубины временных рамок доступной ретроспективы*.

1. *Семантическая / смысловая* — на уровне согласованных подходов к определению:

а) самих данных;

б) содержания базовых категорий и понятий, характеристиками которых призваны служить данные.

2. *Методологическая* — при синтезе данных / знаний из разных областей социальных наук — на уровне базовых принципов, образующих ту или иную методологию социальной науки как источника синтезируемого знания.

3. *Методическая* — на уровне применения методов генерации, обработки и структурирования данных.

Исследование механизма развития социальной системы на основе новой методологии научной рациональности — фрактально-эволюционного подхода позволяет выявить возможности и особенности многомерности развития и гармонизации коммуникаций между различными уровнями социальных структур, в том числе и между индивидами. Это позволяет накапливать потенциал развития всего социума, а новые возможности поиска путей и методов согласования институтов, определяющих развитие науки и образования, — обеспечивать процессы взаимного понимания смыслов.

Литература

1. *Крейк А. И.* Синергия. Новосибирск: НСУ, 2002. 70 с.
2. *Аришинов В. И., Казаков Н. Д.* Синергетика как модель междисциплинарного синтеза // Математика, естествознание и культура: сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. А. Панченко. М.: ИНИОН, 1983. С. 42—62.
3. *Василенко Л. А.* Особенности применения гибких методов проведения социологических исследований и возможностей их интерпретации // Современная социология — современной России: сб. статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского [Электронный ресурс]. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 46—62. 1 электрон. диск (CD-ROM).
4. *Делокаров К. Х.* Рационализм и социосинергетика // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 117—124.
5. *Князева Е. Н.* Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М.: ИФ РАН, 1995. 228 с.
6. *Селье Г.* От мечты к открытию: как стать ученым / Пер. с англ. Н. И. Войскунской. М.: Прогресс, 1987. 368 с.: ил.
7. *Степин В. С.* Становление норм и идеалов постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки / [Отв. ред. Е. А. Мамчур]. М.: ИФ РАН, 1992. С. 3—16.
8. *Пригожин А. И.* Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. 432 с.
9. *Стивенсон С.* Жизнь по понятиям: моральные правила «реальных пацанов» / Европейский университет в Санкт-Петербурге // YouTube — видеохостинг [Электронный ресурс]. Оpubл.: 3 апр. 2015 г. URL: http://www.youtube.com/watch?v=g_HSNps_yi8 (дата обращения: 18.08.2015).
10. *Стивенсон С. А.* «Обычные пацаны»: уличные подростково-молодежные компании Москвы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 30—34.
11. *Glaser B. G., Strauss A. L.* The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine, 1967. 271 p.
12. *Найт Ф. Х.* Риск, неопределенность и прибыль: монография / Пер. с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. пер. В. Г. Гребенников. М.: Дело, 2003. 359 с.: ил. (Современная институционально-экономическая теория).
13. *Василенко Л. А., Миронова Н. И.* Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. № 1. С. 47—53.
14. *Миронова Н. И.* Гражданский социум в современном государственном управлении: социальная динамика. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2007. 259 с.: ил.
15. *Василенко Л. А., Колесникова Л. А., Пискалова-Паркер М. П.* Применение концепции фрактальности к исследованиям деструктивных процессов методами клинической социологии // Человеческий капитал. 2012. № 9. С. 62—67.
16. *Колесникова Л. А.* Революция фрактального кросс-дисциплинарного синтеза или естественные начала и вопросы методологии междисциплинарного диалога в социальных и гуманитарных науках // Социология. Естествознание. Общество: сб. науч. статей и мат-лов Всеросс. науч. конф. «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности» (12—13 декабря 2014 г., Москва) / Под общ. ред. Н. Е. Покровского. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов»: ООО «Вариант», 2014. С. 13—18.

17. *Рождественский И.* Воспитательная психиатрия: Как российских сирот отправляют в психбольницы за плохое поведение // Медуза = Meduza: Независимое общественно-политическое сетевое издание / Гл. ред. Г. Тимченко. 2015. 13 мая. URL: <https://meduza.io/feature/2015/05/13/vospitatelnaya-psihiatriya/> (дата обращения: 18.08.2015).
18. *Girard R.* Violence and the Sacred. London; N.Y.: Continuum, 2005. 352 p.
19. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б.* Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 478 с.
20. *Галимов Э. М.* Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: Едиториал УРСС, 2001. 254 с.: граф.
21. *Богатых Б. А.* Фрактальная природа живого: системное исследование биологической эволюции и природы сознания. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2012. 353 с.: ил.
22. *Лима-де-Фариа А.* Эволюция без отбора: автоэволюция формы и функции / Пер. с англ. Е. Б. Кофмана, Н. О. Фоминой; под ред. Л. И. Корочкина. М.: Мир, 1991. 455 с.: ил., схем.
23. *Колесникова Л. А.* Время четвертого синтеза, или Манифест кроссдисциплинарного методолога // Человеческий капитал. 2012. № 8. С. 104—107.
24. *Степанов А. К., Колесникова Л. А.* Достижения современной эволюционной теории как естественнонаучная основа исследований инновационных процессов в экономике и обществе // Социология. Естествознание. Общество: сб. науч. статей и мат-лов Всеросс. науч. конф. «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности» (12—13 декабря 2014 г., Москва) / Под общ. ред. Н. Е. Покровского. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов»: ООО «Вариант», 2014. С. 18—24.

Василенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор Института государственной службы и управления (ИГСУ) РАНХиГС при Президенте РФ.
E-mail: vasilenkola@mail.ru

Колесникова Людмила Арнольдовна — доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры экономики и финансов общественного сектора ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ.
E-mail: lvladimirova@yandex.ru